

**ГОЛОД В КАЗАХСКОЙ
СТЕПИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
«ВЕЛИКОГО ДЖУТА» 1931–1933 гг.
В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ:
К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ**

Зауреш САКТАГАНОВА

*профессор Карагандинского государственного
университета им. Е.А. Букетова, д.и.н., г. Караганда*

Американский социолог Майк Дэвис считает, что голод – это часть континуума явлений, которые включают также жесткие последствия предшествующего недоедания, увеличивающего распространения смертности, связанной с физическим истощением и эпидемиями. В Казахстане один из самых катастрофических по последствиям – голод 1931–1933 гг. Этот период в истории казахов имеет достаточно емкие обозначения, голод 1931–1933 гг. в историю Казахстана вошел под разными названиями: «Ұлы жұт» (Великий джут), «Ашаршылық» (Голод), «Нәубет», «Зобалаң» (Бедствие, тяготы).

За последующие 60 лет власть «стерла» из памяти народа, из советской историографии файл, хранивший нарратив об этом, причем стерла до состояния «*tabula rasa*». И, действительно, в устной истории казахов, к сожалению, осталось гораздо меньше сюжетов, чем следовало бы ожидать, таких недавних по времени событий. Одна из главных причин – свидетели этих страшных событий не пережили их.

Количество умерших в Казахстане от голода 1931–1933 гг. в работах зарубежных исследователей исчисляется от 1 млн. казахов [1], до 2 млн. человек [2]. Демограф М. Татимов называет цифру в 1,750 тыс. казахов (42%), авторы книги о голоде из Института истории государства – 1,5–2 млн. казахов и 200–250 тыс. представителей не титульного этноса, в публикациях 2012 г. все чаще звучит цифра 2,2 млн. казахов и т.д. [3]. Т. Омарбеков в своей монографии называет следующую цифру: уменьшение сельских жителей Казахстана за годы голода произошло на 3,379 млн. человек [4]. Этот вопрос до сих пор остается открытым.

Теперь к вопросу о причинах голода в Казахстане. Из множества работ по данной проблеме, мы хотели бы остановиться на нескольких исследованиях, на наш взгляд, имеющих принципиальное значение для историографии проблемы. Это монографии, опубликованные за последние 20 лет как отече-

ственными, так и зарубежными исследователями. В абсолютном большинстве исследований отечественные авторы называют голод 1930-х гг. следствием сталинской силовой коллективизации сельского хозяйства в Казахстане. Стивен Уиткрофт в своей работе «Годы голода...» называет 5 взаимосвязанных факторов, вызвавших катастрофический голод в казахской степи: коллективизация и раскулачивание; перевод казахского населения на оседлое положение; принудительное обобществление скота; масштабные хлебозаготовки (планы на них распространялись и на несущие районы) и масштабные скотозаготовки. Изабель Огайон считает, что разрушение системы пастушеского скотоводства стало первым следствием стратегии, состоявшей из четырех этапов: коллективизация – продовольственный налог – седентаризация – раскулачивание [5].

Хотелось бы уточнить и дополнить причины голода 1931–1933 гг. В-первых, в число пяти вышеназванных С. Уиткрофтом факторов следует, на наш взгляд, добавить еще один – экономическую реформу (мероприятие) «Малого Октября»: конфискация байских хозяйств – начало разрушения традиционной структуры Казахстана. И еще. Из этих, уже шести факторов, главной, доминирующей причиной является насильственная седентаризация – окончательное разрушение традиционной структуры.

Одной из главных особенностей, основной спецификой советской модернизации в 20–30-е гг. XX века в казахской степи является осуществление седентаризации – оседания кочевников. На рубеже этих десятилетий казахское население еще сохраняло в своем большинстве кочевой и полукочевой уклад. К 1930 г. из 700 тыс. казахских хозяйств 540 тыс. были кочевыми и полукочевыми: 200 тыс. из них вели полукочевой образ жизни, около 340 тыс. – «чистые» кочевники. 160 тыс. хозяйств были оседлыми, причем около 60 тыс. из них «осело» за 10 лет с 1920 по 1929 гг. И если за предыдущие 10 лет осело только 60 тыс. семей, то за 3 года (с 1930 по 1933 гг.) перевести на оседлость около 540 тыс. семей – задача для власти казалась бы, непосильная [6]. Однако она была решена. И это стало главной причиной (из обозначенных выше шести причин).

Именно на эту особенность – одну из причин катастрофы 1931–1933 гг. – акцентирует внимание в своих исследованиях профессор Ж. Абылхожин [7]. Планы гипердинамичного индустриального развития резко актуализировали так называемую зерновую проблему. Расширение экспорта зерна, необходимость обеспечения хлебом все растущее городское население остро обозначало проблему – зерна требовалось все больше и больше. Государство видело два пути решения проблемы: один из них – крупное увеличение производства зерна через расширение посевных площадей. В связи с этим у сталинского руководства резко возрастает интерес к земельным просторам Казахстана. Именно на это обращает внимание союзный нарком земледелия Я.А. Яковлев на XVI съезде ВКП(б): «...В Казахстане до 50–55 млн. га можно считать годными для посевов, из которых 36 млн. га расположены в северных областях... Здесь пшеницы занимают только 5% всей пахотнспособной площади... Если

из этих 36 млн. га, годных для посева, до 30% занять под пшеницу, то мы к концу пятилетки в одном только Казахстане получим дополнительно 8–10 млн. га под пшеницей...». Наркома не беспокоило, что эти земли являлись пастбищами традиционного скотоводческого комплекса. Казахи-кочевники с их специфическим способом производства вошли в противоречие с государственным курсом на всемерное расширение зернового производства [8].

Главный выход в этой ситуации виделся в необходимости форсированной, насильственной седентаризации. И вот уже данная задача озвучена республиканским наркомом земледелия К. Токтабаевым на VII съезде Советов Казахстана (апрель 1929 г.): «Первая задача по расширению посевной площади, на которую мы сейчас должны обратить самое центральное наше внимание – это вопрос об оседании казахского населения». И соответственно съездом принята резолюция: «2. Развитие зернового хозяйства в крае упирается прежде всего в проблему оседания полукошевого и кочевого населения... во всех частях республики» [9]. Активно началось осуществление политики насильственной седентаризации кочевых хозяйств и их коллективизация.

Активизация политики по расширению сельскохозяйственных площадей отмечалась и в сугубо кочевых регионах, в частности, в Центральном Казахстане. Планы сева, которые диктовались руководством не учитывали реалий. «По 5 кочевым и полукошевым районам Карагандинской области (Жана-Аркинский, Кызыл-Туский, Кургальджинский, Сары-Суйский, Энбекшильдерский) увеличение посевной площади по плану составило 42%, в том числе по Сары-Суйскому району, где из 7 тыс. хозяйств осталось 500–600 хозяйств, дан план 2880 га вместо 300 га в 1931 г.» – констатирует Т. Рыскулов. План увеличен при значительном уменьшении трудоспособного населения и количестве живого тягла, отсутствии семфонда и семсуды. «Очевидно, неизбежно будет опять очковитательство со стороны районов по выполнению посевного плана, и будут опять причины к новым откочевкам и голоду». В докладе Ф.И. Голощекина на краевом активе по вопросу «О коллективизации в казахском ауле» приводятся следующие цифры: за 3 года (с 1929 по 1931 гг.) казахские посевы возросли на 100% – с 1265,7 до 2561 тыс. га. Опровергая эти данные, Т. Рыскулов пишет: «Без сомнения тут имеется огромнейшая ошибка в подсчетах посевов... Казахи только в последнее время стали переходить на земледелие, не имея навыков в этом деле; территория казахов расположена больше в засушливой зоне и хуже по качеству почвы, тракторов еще мало, почти не проводились агротехнические меры. Как же могла при этих условиях посевная площадь у казахов удвоиться?» [10].

Волонтаристский, упрощенный подход к оседанию кочевников без учета главного фактора – сохранение пропорции между количеством скота и площадью пастбища – привело к огромной концентрации скота на небольших пастбищных пространствах и, как следствие, к катастрофическому джуту. Эти процессы сопровождались и остальными аспектами политики (раскулачивание, ското- и хлебозаготовки, коллективизация). Катастрофа в казахском ауле

была неизбежной. Отсюда и огромная человеческая цена – демографические потери от голода и эпидемий в кочевом казахском ауле в сотни раз превышали потери в оседлых регионах Казахстана.

В 1932–1933 гг. центр стал снижать планы скотозаготовок для разных регионов России и Украины. Самое значительное снижение плана – на 78% – произошло в Казахстане, где численность скота упала катастрофически, но ситуацию это не спасло. Если в 1926 г. численность скота в Казахстане превышала 45 млн. голов, к 1928 г. по материалам Казкрайкома ВКП(б) – уже 40,219 млн. голов [11]. А в спецсообщении ПП ОГПУ по Казахстану приведена следующая цифра: в 1933 г. в крае насчитывается 3,699 млн. голов. По сравнению с 1929 г. поголовье скота сократилось на 90,8%, а по группе кочевых и полукочевых районов на 94–95% [12]. Т. Рыскулов (заместитель председателя СНК РСФСР в 1926–1937 гг.) в своей докладной записке указывает, что у казахского населения в 1932 г. осталось 6% скота, имевшегося у него в 1929.

Проследим ситуацию в одном из кочевых районов Центрального Казахстана. Приведенные таблицы 1 и 2 позволяют проследить взаимосвязь и соотношение между сокращением поголовья скота и численностью населения в Каркаралинском районе Карагандинской области (районе, находящимся на значительном отдалении от земледельческих зон).

Таблица 1 [13]
Количество скота в Каркаралинском районе
Карагандинской области (тыс. гол.)

	1929/ 100%	1930	%	1931	%	1932	%	1933	%	1934	%
Лошади	112,246	42,246	37,6	28,378	25,3	3,646	3,2	1,001	0,9	1,286	1,1
Быки	54,728	51,728	94,5	22,506	41,1	5,047	9,2	2,492	4,5	2,918	5,3
Верблюды	2,609	2,603	99,7	1,877	71,9	0,312	11,9	0,074	2,8	0,124	4,7
Овцы и козы	146,875	146,375	99,6	57,737	39,3	8,260	5,6	2,253	1,5	11,375	7,7
Итого по району	316,458	242,952	76,7	110,488	34,9	17,265	5,4	5,82	1,8	15,703	4,9

Таким образом, уменьшение поголовья скота в Каркаралинском районе Карагандинской области с 1929 к 1933 гг. произошло почти в 54 раза, а если рассматривать по видам скота, то цифры еще более ужасающие: лошади – уменьшение в 112 раз; крупный рогатый скот – почти в 22 раза; верблюды – в 35 раз; овцы – в 65 раз. Вполне закономерно, что при такой убыли, при таких потерях скота в традиционных скотоводческих районах, как Каркаралинский район, где рацион питания, весь уклад жизни строился на животноводстве, голод и массовая смерть населения были неизбежными.

**Таблица 2 [14].
Численность населения в Каркаралинском районе
Карагандинской области**

	1930	%	1931	%	1932	%	1933	%	1934	%
Число хозяйств	50 400	100	10 880	21,5	3 992	7,9	2 711	5,3	2 852	5,6

Итак, по приведенным в документах данным, количество дворов (хозяйств) с 1930 по 1933 г. уменьшилось почти в 19 раз. В документах не отражены причины этого сокращения: миграции или смертность. Безусловно, что сравнительный анализ демонстрирует, эти процессы в любом случае связаны с ситуацией голода. Данные ОГПУ сообщают о миграции в 1930 г. из Карагандинской области 59938 хозяйств [15], однако Карагандинская область по образцу административно-территориального обустройства начала 1930-х гг. включала территорию и Северного, и Центрального Казахстана, поэтому уточнить количество откочевщиков из Центрально-казахстанского региона проблематично. Полные данные о смертности в данном регионе также отсутствуют. Т.Рыскулов в мае 1932 г. докладывал, что, по материалам миграционного комитета, в Каркаралинском районе ежедневно умирало от 15 до 20 человек (из сведений крайоседкома). В Карагандинском областном архиве приведены данные о резкой убыли населения. Так, на 1 мая 1930 г. средний состав семьи Каркаралинского района – 4,6 чел.; на 15 августа 1933 г. – 2,9 чел. [16]. Почти в 2 раза уменьшился средний состав семьи. Наиболее реальное предположение в данном случае о людских потерях может быть связано лишь со смертью от голода и эпидемий. Предположить, что часть семьи откочевала, а часть осталась на прежнем месте, зная о крепких родовых связях и патриархальном укладе жизни казахов-кочевников, не представляется возможным.

В документах ГАКО приводится перечень пунктов оседания на 1933 г. В перечне указаны даты постройки поселения – 1930–1932 гг. (из 23 пунктов 18 основаны в 1932 г.). В перечне имеются показатели: на какое количество хозяйств рассчитано поселение – эта графа заполнена, а вот последующие графы: число хозяйств фактически поселившихся, оставшихся в данное время, число пустующих домов – не заполнены [17]. Сейчас сложно выяснить какие причины не позволили заполнить эти пробелы, однако не исключены факты либо откочевки из данных районов, либо массовой гибели населения.

Информация Каркаралинского окружного комитета ВКП(б) на 24 апреля 1930 года о колхозном строительстве: «организовалось два колхоза, причем колхоз Егенды имеет 49 хозяйств и 247 едоков, лошадей крупных 86, мелких 82, коров 72, 81 верблюд, 877 баранов, 269 коз и ни одного сельскохозяйственного орудия. Колхоз не знает, что будет делать. Председатель правления колхоза Акимбеков заявляет, что население не заинтересовано, вошло в колхоз только от испуга, заявляя, что не знаем как быть: организовываться, осесть на

одном месте не можем, ... нет пахотной земли, нет воды... Начался массовый убой колхозниками скота в связи с обобществлением колхозами скота на 100 процентов... Теперь приходится думать как жить, чтобы не умереть с голода. 26 марта в колхозах Жана – Тала и Жалдуз заколото 102 головы. В Абралинском районе, в связи с полным обобществлением скота, бедняки колхоза голодают» [18].

Демографические потери в Центральном Казахстане в период голода 1931–1933 гг. не исчислялись никем. И отсутствие учета и регистрации смертей, отсутствие полных статистических данных по региону пока не позволяет провести комплексный анализ. Рассмотрим лишь некоторые данные по переписям 1926 и 1939 гг.

Таблица 3 [19]
Динамика численности и национальный состав населения
Центрально-Казахстанского региона 1926–1939 гг.

Национальности	1926 г.		1939 г.	
	Чел.	%	Чел.	%
Всего	328 522	100	418 316	100
Казахи	280 317	85,3	136 541	32,6
Русские	15 196	4,6	190 017	45,5
Украинцы	4 988	7,6	40 177	9,6
Узбеки	124	–	–	–
Татары	712	0,2	5 824	1,4
Немцы	5 589	1,7	14 814	3,6
Корейцы	0	–	7 536	1,8
Другие	1 596	0,6	23 407	5,5

За 12-летний межпереписной период убыль казахского населения в Центральном Казахстане составила 143 776 чел., то есть произошло уменьшение совокупности населения на 48%. Безусловно, что данная цифра требует уточнения, так представляет собой лишь арифметическую разницу между данными переписей, но даже эти данные демонстрируют серьезную демографическую катастрофу среди казахского населения в регионе. Поиск новых архивных материалов, позволяющих углубить изучение данной проблемы, определение их репрезентативности, систематизация документов, критический анализ источников – это лишь неполный перечень предстоящей работы историков. Нами в статье лишь поставлена проблема необходимости исследования последствий голода в региональном аспекте. И регион Центрального Казахстана в этом отношении до сих пор остается малоизученным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М., 2011. С. 329-332
2. Олкотт М. Fabrication of a social past: The Kazakhs of Central Asia. London, 1980. P. 206.
3. Татимов М. Социальная обусловленность демографических процессов. А.-А., 1989. С. 124; Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. №7. С. 18; Аяган Б., Кыдыралина Ж., Ауанасова А. и др. Правда о голоде 1932–1933 гг. А., 2012. С. 252; Шепель В. Алапат ашаршлық // Егемен Қазақстан, 6 сәуір 2012 ж.; Бурханов Қ. Тарих шындығы және замалы қоғам // Егемен Қазақстан, 10 мамыр 2012 ж.
4. Омарбеков Т. Қазақстан тарихының XX ғасырдағы өзекті мәселелері. А.-А.: Өнер, 2003. Б. 6.
5. Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.). А.-А., 2009. С. 206-207.
6. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования аула и деревни Казахстана. А.-А., 1965.
7. Абылхожин Ж. Традиционная структура Казахстана. А.-А., 1991. С. 224-225.
8. VII Всеказахский съезд Советов. 8–15 апреля 1929 г. Стенографический отчет и постановления. А.-А., 1930. С. 168.
9. Казахстанская правда, 15 мая 1932 г.
10. Рыскулов Т. Докладная записка в ЦК ВКП(б) Сталину И.В., копия: в сельхозотдел ЦК ВКП(б) Кагановичу Л.М. и СНК СССР Молотову В.М. // Собрание сочинений. Т. 3. С. 323. А.-А., 2009. С. 323.
11. Материалы информационно-статистического подотдела ОРГО Казкрайкома ВКП(б) // АП РК Ф.141. Оп.1. Д.2040. Л. 20–28.
12. Спецсообщение ПП ОГПУ по Казахстану о состоянии животноводства в республике. ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.11. Д.1050. Л.53-56 // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы в 5-ти тт. / Т.3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 812.
13. РГАЭ. Ф.6985. Оп.1. Д.1. С.224; Государственный архив Карагандинской области. Ф.677. Оп.1. Д.1. Л.75 об.
14. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.603. С.138-146; Рыскулов Т. Докладная записка в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, копия: в сельхозотдел ЦК ВКП(б) Кагановичу Л.М. и СНК СССР Молотову В.М. // Собрание сочинений ..., т. 3. С. 323. А.-А., 2009. С. 323.
15. Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. А.-А.: Арыс, 1998. С. 84.
16. Государственный архив Карагандинской области. Ф.76. Оп.1. Д.1. Л.83.
17. Там же. Ф.76. Оп.1. Д.1. Л.86.
18. Там же. Ф.9п. Оп.1. Д.92. Л.32-35.
19. Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Книга первая. А.-А.: Оркениет, 2000. С. 131.